

- Теория и практика постиндустриализма
- Становление и динамика методологической программы партикуляризма в философии истории

УДК: 316.324.8+316.772.4

Теория и практика постиндустриализма

А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена анализу теоретико-методологических и социально-культурных предпосылок становления и реализации постиндустриальной доктрины. Рассматриваются издержки идеологии и практики индустриализма, обращается внимание на возможные сценарии перехода стран с транзитивной экономикой к постиндустриальному развитию.

Theory and Practice of Post-Industrialism

A. Lazarevich, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article is dedicated to the analysis of the theoretical-methodological as well as social and cultural preconditions of formation and realization of the post-industrial doctrine. Negative effects of the ideology and practice of industrialism are considered; attention is drawn to possible scenarios of transition of transitive economy countries to postindustrial development.

Современная цивилизация находится в поиске более совершенных моделей развития. Многие теории общественного прогресса оказались, мягко говоря, беднее возлагавшихся на них надежд, а в ряде случаев – просто не подтвердились. И беда, наверное, не в теориях, а в реальных подходах, способах и методах освоения мира, соответствующих стратегиях и программах жизни. Ушедшая в историю вторая половина XX века и начавший новое тысячелетие век XXI знаменуют собой период критической оценки индустриальной эпохи и активного поиска новых постиндустриальных сценариев развития.

Постиндустриальная парадигма появилась в результате естественного развития идеи индустриального общества, оформившейся в середине XIX века в работах А. де Сен-Симона, О. Конта, Дж. Ст. Милля. Разделяя подход этих авторов к буржуазному строю как к обществу промышленников, западная социологическая мысль XX века акцентировала внимание не на анализе классовых противоречий, а на вычленении отдельных исторических фаз общественного развития на основе изменений в технологическом укладе общества, его социальной структуре, способах коммуникации. Данный подход неотделим от традиции европейского позитивизма и дальше развивает представления об исторической периодизации, восходящие к А. Смит и Ж.-А. де Кондорсэ и получившие новое звучание в конце XIX века в работах Ф. Листа и К. Бюхера, а в начале XX века в исследованиях В. Зомбарта и А. Дапша [1].

Содержательное отличие постиндустриального периода в развитии общества от индустриальных и до-

индустриальных его стадий чаще всего демонстрируется на различии трех основных секторов общественного производства – первичного, к которому относятся добывающие отрасли и сельское хозяйство, вторичного, включающего обрабатывающую промышленность (промышленное производство) и третичного – сферы услуг. Уже в конце 30-х гг. ряд экономистов предложил рассматривать общественное производство как совокупность трех названных секторов, однако наиболее систематизированное описание они получили в 1940 г. в известной работе К. Кларка [2].

Постиндустриальная концепция строится на методологии деления общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное в зависимости от роли и значения названных выше секторов хозяйства. Их удельный вес в обществе определяется, согласно К. Кларку, уровнем производительности внутри сектора. Экономический прогресс, следовательно, определяется нормой перемещения рабочей силы из одного сектора в другой, и эта норма есть функция различной производительности труда в отдельных секторах. Таким образом К. Кларк легко мог продемонстрировать переход от доиндустриального общества к последующим его типам.

Доиндустриальное общество – это общество с преобладанием первичного сектора жизнедеятельности. В индустриальном обществе первостепенное значение приобретает сфера производства, основанная на машинной технологии. Тенденции постиндустриального развития определяются резким ростом третичного сектора, т. е. сферы услуг с изменением структуры социальной стратификации. Речь идет о перераспре-

делении областей занятости людей в сторону обслуживания самих себя: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия отдыха и развлечений, наука, образование, управление.

На терминологическом уровне идея постиндустриального развития изначально имела заметную социалистическую окраску и возникла как противопоставление индустриальному строю, воспринимавшемуся, прежде всего, как строй капиталистический. Считая, что буржуазное общество способно привести к катастрофическим последствиям для всей цивилизации, сторонники этой идеи пытались в начале XX века предложить концепцию преодоления капиталистического способа производства через восстановление некоторых элементов общинных отношений. Например, теоретик английского либерального социализма А. Пенти в 1916–1917 годах широко использовал термин «постиндустриализм», имея в виду более совершенное общество, где принципы автономного и даже полукустарного производства могут быть возрождены ради преодоления присущих индустриальной эпохе конфликтов. Считается все же, что термин «постиндустриализм» был впервые введен в научный оборот А. Кумарасвами несколько раньше в его работах по доиндустриальному развитию азиатских стран [3].

Содержательные элементы постиндустриальной парадигмы формировались в тесной связи с анализом процессов индустриального развития. Наиболее авторитетные теоретики индустриального общества А. де Сен-Симон, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Кларк выделяли, к примеру, такие его признаки. Во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем преобладает порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания (А. де Сен-Симон). В индустриальном обществе экономическая система отделена от семейных уз, рабочее место – от домашнего очага. С распадом традиционного «коллективного сознания» основные убеждения должны быть организованы вокруг профессиональных норм и связываться воедино профессиональной этикой (Э. Дюркгейм). Во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет проникает во все области управления (М. Вебер). Позиция К. Кларка в отношении признаков индустриализма связана, как уже отмечалось, с его представлениями о вторичном секторе общественного производства.

«Для всех теоретиков индустриального общества (и в данном случае также для К. Маркса), – пишет патриарх постиндустриальной доктрины Д. Белл, – точкой отсчета (или основным институтом) является

промышленное предприятие, а в качестве стового хребта общества выступает социальная база машинного производства. С этой точки зрения все индустриальные общества имеют некоторые общие черты: повсюду распространена одинаковая технология; одинаково и качество технических и инженерных знаний (а также учебных заведений, которые их предоставляют); примерно одинаковы наборы профессий и видов труда. Если подходить к проблеме более широко, можно обнаружить, что в каждом обществе увеличивается доля технических работников по отношению к другим категориям занятых... и что управление требует в основном технических навыков. Индустриальные общества – это экономические общества, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения «больших результатов из меньших вложений» и выбора наиболее «рационального» типа действий» [4, с. 99–100].

Расцвет индустриальной эпохи пришелся на Западе и в США на 30-е годы XX века, когда доля вторичного сектора как в структуре ВВП, так и в структуре занятости населения заняла устойчивое главенствующее положение. 50-е годы были последним периодом относительной стабильности. В это время доля промышленного сектора в экономике развитых стран мира достигла максимума, незначительно увеличившись по сравнению с показателями 30-х годов. Например, к 1955 году в США в обрабатывающих отраслях и строительстве было занято до 34,7 % совокупной рабочей силы и производилось около 34,5 % ВВП. В Германии, Великобритании, Франции эти показатели были даже выше [5, с. 5].

С начала 60-х годов ситуация стала кардинально меняться. Научно-технический и технологический прогресс привел к сокращению числа людей, занятых в промышленности, и снижению себестоимости соответствующей продукции при одновременном росте благосостояния народа. Все это вызвало огромный спрос на различного рода услуги: медицинские, образовательные, торговые, финансовые, бытовые, транспортные и т. п. Именно по этим тенденциям социальной динамики и были зафиксированы первые признаки постиндустриального общества как общества с доминированием третичного сектора общественного производства – сферы услуг.

Преобладание сервисной экономики связано с кризисом индустриальной эпохи, но не с ее гибелью. По мнению известного современного теоретика постэкономического общества В. Л. Иноземцева дальнейшая судьба индустриализма может быть прослежена в контексте оценки эволюции первичного сектора хозяйственно-экономической деятельности. Если в 1869 году в сельском хозяйстве США создавалось до 40 % ВВП, то этот показатель, снизившийся до 14 % по окончании Первой мировой войны, не превосходит

ныне 1,4 %. Еще около 1,6 % ВВП приходится на все остальные подотрасли первичного сектора. Не менее очевидны изменения в структуре занятости: сегодня в аграрном секторе США занято менее 2 % населения (44 % – в 1880 г., 20 % – в 1945 г.), причем с 1994 г. статистические отчеты перестали отмечать фермеров в качестве самостоятельной значимой группы населения [5, с. 4–5].

Подобные тенденции имеют место и в европейских странах. «Резкое снижение роли в 70-е годы первичного сектора в мировой экономике, – пишет В. Л. Иноземцев, – впервые продемонстрировало, что трех- (или четырех-) секторная хозяйственная модель не является вечной и что в соотношении составляющих ее секторов могут произойти весьма серьезные изменения. В данном случае третичный сектор всего за какие-то двадцать лет фактически вытеснил на периферию экономики первичные отрасли промышленности в рамках развитых стран и сделал катастрофическим положением экспортеров сырья и аграрной продукции. Вторичный сектор, в определенной мере остававшийся в стороне от основного противостояния, пережил серьезные внутренние трансформации, но в целом сохранил свое значение. Кризисные явления обнаружили себя в то время, когда третичный сектор занял доминирующую роль в экономике. Отсюда вытекает достаточно правдоподобный вывод: новая волна кризисных явлений неизбежна, когда в постиндустриальных странах в полной мере даст о себе знать новый лидирующий сектор – информационный, когда он станет обеспечивать основную часть ВВП и занятости. При этом так же, как в 70-е годы, основным «пострадавшим» от экспансии третичного сектора стал сектор первичный, следующий удар будет нанесен именно по вторичному сектору, по сфере промышленного производства. И это станет концом индустриальной эпохи, прелюдией которого оказались события 1973–1981 гг.» [5, с.8].

Кроме сугубо экономических предпосылок кризиса индустриальной эпохи, внутри нее накапливались и духовно-культурные издержки социального развития. Индустриализм, концентрируя внимание на производственных достижениях, на технико-экономической эффективности жизни, зачастую не придавал должного значения собственно носителю этой жизни – человеку, его интересам, целям и ценностям. В таких условиях человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам и результатам, а нередко и самому себе. Он стал отставать от социально-технологического развития человечества, что в полной степени обострило проблему отчуждения человека, поставленную XIX веком, и проблему утраты реальности, поставленную веком XX. В этом смысле марксизм, экзистенциализм, постмодернизм обратили внимание на одно и то же – возрастающую диспропорцию между человеком и социотехнологизированным (индустриальным) человечеством, что формулируется в одном случае как «отчуждение», в другом – как «некоммуникабельность», в третьем – как «гибель реального». Самая глубокая сущность происходящего – кризис сознания эпохи, массового самосознания, духовный кризис формирующейся цивилизации. Индустриализм основан на «машинизированном» экстенсивном использовании человеческих и природных ресурсов, что и обусловило попытки создать ориентированные на качество жизни формы производства, технологии социальной организации и коммуникации, подчеркивающие значение личностных аспектов бытия людей, возможности и условия их самореализации и духовно-культурного развития.

Говоря об интеллектуально-творческом потенциале индустриального общества, следует в первую очередь указать на востребованность главным образом его технико-производственных возможностей, то есть на интенсивное применение технических и технологических инноваций к сфере промышленного производства. В этом смысле можно говорить и о технократизме как отличительной черте индустриальной эпохи, имея в виду уже сферу организации власти и управления, где управление вещами, экономико-технологический рационализм доминируют над рационализмом духовно-культурным и даже политическим. В известной степени при этом теряют смысл рассуждения о многих гуманистических ценностях и интересах.

Издержки социально-культурного, духовно-нравственного, гуманистического, экологического характера представляют неполный перечень признаков серьезного кризиса индустриальной эпохи и ее современных продолжений и последствий. Сегодня нужна новая мировоззренческая парадигма, в рамках которой следовало бы определиться с приоритетами человеческих ценностей, императивами социо- и антропоприродных отношений, целесообразностью определенных видов человеческой деятельности, возникших в эпоху техногенного прогресса.

Постиндустриальная теория явилась, с одной стороны, попыткой преодоления кризиса индустриализма, а с другой стороны, осмыслением перехода общества в иное состояние развития на основе достижений индустриализации, повлиявших на изменение предпочтений и ценностей современного человека. Наиболее активно она стала разрабатываться с начала 70-х годов XX века усилиями таких известных авторов как Д. Белл, Р. Арон, У. Хармен и многих других, а также целыми научными коллективами.

Основной смысл этой теории заключается в обосновании возможности преодоления проблем технико-экономического роста и перехода к развитию культуры и человека, стимулированию духовно-гуманистической составляющей жизни. В отношении транс-

формации различных сфер деятельности общества процессуально и концептуально-методологически это выглядит следующим образом.

- В области профессиональной занятости и социальной трансформации приоритеты распределяются в направлении от работников тяжелого неквалифицированного труда, сельскохозяйственных работников – через труд инженеров и рабочих различных квалификаций – до деятельности специалистов сервисных отраслей экономики и творчества научной элиты.

- Техника: сырьевая – энергетическая – информационная.

- Задачи общества: «игра против природы» – «игра против рукотворной природы» – «игра между людьми».

- Ведущий идеологический принцип («осевой принцип»): традиционализм, ограничение ресурсами и техникой принятия решений – государственный и частный контроль роста и принятия решений – центральная роль теоретического знания, основанных на нем инноваций и политики [4].

Основные признаки постиндустриального общества – создание разветвленной цивилизованной экономики услуг (социального сервиса), доминирование в структуре социальной стратификации квалифицированных научно-технических специалистов, исключительная роль теоретического знания и научно-обоснованных решений, возможность самоподдерживающегося технологического развития на основе нетрадиционных образцов «интеллектуальной» техники.

Постиндустриальное общество, в отличие от общества индустриального, не рассматривает уже природу как только источник сырья для экстенсивного развития экономики. В этом смысле оно ориентировано не на объемы, а на качество продукции и ее разнообразие, на человека. Уровень квалификации, образованности, компетентности людей, занятых в производстве, становится условием его социальной эффективности, с одной стороны, и внутренним источником развития, с другой. Вовлеченные в производство люди утрачивают при этом сугубо материальную мотивацию своей деятельности, поскольку оказываются занятыми преимущественно там, где нужны интеллектуально-творческие, духовно-культурные качества. Утрата материальной мотивации социальной (в том числе производственной) коммуникации в условиях постиндустриального общества связывается также с предполагаемым достижением большинством населения (еще на стадии индустриального развития) такого уровня благосостояния, когда «давление непосредственной (материальной) нужды сокращается». «Это положение, – пишет В. Л. Иноземцев, – принято большинством теоретиков постиндустриализма, так как именно после того, как человек достигает материального благосостояния, позволяющего ему не за-

думываться об удовлетворении привычных потребностей, он начинает искать самовыражения вне традиционных стереотипов поведения. Современные социологи очень осторожно подходят к исследованию данного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации, а возникновение вполне определенного сдвига от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни», и обращая внимание на то, что «дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает прежнего воздействия на поведение» человека» [6, с. 39–40].

В культуре постиндустриального общества немало важное значение приобретает проблема преодоления стандартов. Она проявляется как в непосредственно экономическом отношении, так и в плане стимулирования творческой активности людей, развертывания межкультурных контактов, различных, в первую очередь диалоговых, форм общения и социальной коммуникации в целом. Ряд социологических исследований, призванных выявить «постматериалистический», в том числе духовно-коммуникативный, характер постиндустриальных трансформаций, показал, что уже к середине 70-х годов в качестве основных достоинств того или иного вида деятельности чувства удовлетворения от проделанной работы и контактов (коммуникации) с людьми были поставлены на первое место большинством японских и американских работников [7, с. 96]. Не случайно в связи с этим было обращено внимание на постиндустриальное общество как на такую социальную организацию, где большая часть человеческой активности направляется не на взаимодействие человека с преобразованной им природой, что характерно для индустриального типа развития, а на реализацию коммуникативной интенции, образно представленной Д. Беллом как «игра между людьми».

Речь в данном случае идет не только о сфере «чистых» межличностных отношений, несвязанных напрямую с жизненно важным для общества производственным трудом. Сам труд, производство, экономика в целом приобретают особый коммуникативный статус. В свое время Э. Тоффлер предложил рассматривать экономику как состоящую из двух секторов: в одном люди производят товары для обмена, в другом – делают вещи для себя. Один – это рыночный, или производственный сектор, другой – сектор производителя-потребителя (коммуникативный сектор производства). Каждый из этих секторов выдвигает свою собственную этику, свой набор ценностей, свое определение успеха.

«В период Второй волны (*индустриальное общество* – А. Л.) широкое распространение рыночной экономики – как капиталистической, так и социалистической, – отмечает Э. Тоффлер, – поощряло этику приобретения. Она дала только экономическое опре-

деление личного успеха. Продвижение Третьей волны (*постиндустриальное развитие* – А. Л.), однако, сопровождается... феноменальным ростом деятельности по принципу... «сделай сам»... Все большее число работников, занятых производством для рынка, тратит свое время на абстракции – слова, числа, модели – и мало знает людей, если вообще их знает... Напротив, в производстве-потреблении мы обычно сталкиваемся с более конкретной, непосредственной действительностью; производство-потребление предполагает прямой контакт с вещами и людьми» [8, с. 611–612].

Постиндустриальное общество – это общество мобильной социальной коммуникации, основанной на:

- приоритетности знаний и интеллектуального ресурса в целом. Структура приоритетов определяется потребностями социально-экономического и духовно-культурного развития, с одной стороны, и превентивным прогнозированием и управлением, с другой;
- предпочтениях сервисной экономики, ориентированной на потребности человека и сферу его обслуживания;
- сверхвысоких наукоемких технологиях и ресурсосбережении;
- социально-коммуникативных и организационно-управленческих технологиях, основанных на использовании технических (компьютерных) средств организации, систематизации, хранения и передачи информации;
- качественно иных личностных характеристиках социального субъекта, включающих высокий уровень образования, культуры, ответственности.

В качестве важнейшего, с социально-экономической точки зрения, условия перехода к постиндустриальному развитию может быть принята во внимание модель общественного развития, предложенная мировому сообществу в одном из докладов Римского клуба и известная как *ФАКТОР-4*. Ее суть состоит в том, что наиболее развитые страны мира сегодня подошли к такому уровню научно-технических и технологических возможностей, при котором рост производства фактически во всех отраслях хозяйства способен осуществляться не только без привлечения дополнительных материальных ресурсов и энергии, но и в условиях их прогрессирующей экономии. *ФАКТОР-4* означает, что величина богатства, получаемого от использования единицы ресурсов, может возрасти в четыре раза. Следовательно, мы можем жить в два раза богаче, расходуя лишь половину ресурсов.

Страны с так называемой переходной экономикой находятся сегодня перед выбором своих перспектив развития. Сочетание в большинстве из них элементов первичного и вторичного секторов экономики, естественно, накладывает ограничения на этот процесс. Поэтому один из возможных вариантов их дальнейшего развития – это сохранение подобного сочетания

экономических укладов с постепенным отставанием от наиболее развитых государств. Худшее, что может здесь произойти, – это возвращение в первичный сектор экономики и превращение в обыкновенный сырьевой источник. Второй вариант – повторение путей развития, которые прошли страны Запада и таким образом достижение достаточно высокого уровня жизни, не претендуя на заметный вес в мировом сообществе. Надежды на существование третьего сценария развития могут быть обусловлены современными тенденциями интеграции и универсализации социально-политических, общественно-экономических, научно-технических процессов, естественно, в их лучших проявлениях. Суть этого пути заключается в сочетании второго и третьего секторов экономики с устойчивой ориентацией при этом на постиндустриальное развитие. Данная ориентация будет означать перераспределение социальной активности путем минимизации затрат на индустриальную и еще больше – на аграрную экономику за счет научно-технических и культурно-технологических инноваций. Роль и значение аграрной и индустриальной сферы при этом не исчезает, как иногда истолковывают постиндустриальное развитие. Они приобретают подчиненный характер в структуре общественного производства и социальных интересов.

Постиндустриальная парадигма, естественно, не может претендовать на универсальное объяснение кризиса индустриального мира и изложение наиболее коротких путей его преодоления. По одним позициям она выглядит гипотетичной, по другим – слишком общей. Возможно, эти обстоятельства побудили исследователей к проектированию многих новых (иных) обществ со своей экономической, социальной, гуманистической парадигматикой будущего посткризисного развития. Так появилось «новое» общество П. Дракера [9], «постсовременное» общество Ж.-Ф. Лиотара [10], новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта [11]. За ними последовали «зрелое» общество Д. Габора [12], завершенное общество Д. Макклелланда [13, с. 512], «великое» общество и т. д. Целая группа теорий сконцентрирована на роли и месте человека в развивающемся обществе. Таковы теории «активного» общества А. Этциони [14], «кооперативного» – Д. Клиффорда [15], «организационного» – Р. Престуса [16]. Ряд теорий ориентируется на изменения, порожденные развитием знания и техники. К ним принадлежат теории информационного общества, исходящие не столько из известной концепции социальной коммуникации (Х. Мак-Люэна и других авторов), сколько из представлений о преобразующей общество новой вычислительной и телекоммуникационной технике. Так, Дж. Мартин создал теорию «телепатического общества» [17], А. Лаборит и ряд других авторов – «информационного» [18].

Все эти теории, за исключением последней, с той или иной глубиной содержательности предлагали свой сценарий трансформации индустриализма и видение будущего. Однако они не вошли в теоретико-методологический арсенал обществоведческой, философско-социологической науки в такой мере, как это произошло с концепцией постиндустриального общества. Сегодня трудно найти социально-философские, общественно-экономические, социологические, культурологические, политические исследования, где бы так или иначе не затрагивались идеи постиндустриального развития. Да и в арсенале современных конкретно-исторических, равно как и футурологических изысканий нет пока более приемлемого «рабочего» понятия, чем постиндустриальное общество, которое приобрело теоретико-методологический и мировоззренческий статус в системе представлений о состоянии и перспективах социального развития.

Поэтому несмотря на то, что теория постиндустриального развития продолжает находиться в состоянии формирования своей целостности и завершенности, она все же выступает определенным методологическим, а главное – активизирующим (для критически настроенных исследователей) фактором общественного анализа. Преимущество данной концепции состоит в том, что она представляет в распоряжение исследователя достаточно общий инструмент социального поиска, не задавая жестких политико-идеологических рамок, как это имеет место в других доктринах. При этом постиндустриальная парадигма все же дает достаточно реальную картину пограничного состояния современного общества, которое (состояние) образовалось в результате исчерпания ресурсов индустриализма, с одной стороны, и появившихся в связи с прорывом в интеллектуальных технологиях, системах образования, способах коммуникации людей, культур, опыта новых возможностей социального развития, с другой стороны. Эти возможности достаточно хорошо эксплицируются постиндустриальной теорией и способны выполнить эвристически-созидательную функцию как для высоко развитых государств, так и для тех, которые готовы пожертвовать индустриальными ценностями. Гуманистическое содержание концепции постиндустриального развития определяется характером описываемых и прогнозируемых ею тенденций в сфере сервисной экономики и переориентации человеческой активности с обслуживания машин, производства и т. п. на обслуживание самих себя.

Важнейшие постулаты постиндустриальной теории основываются на достаточно обстоятельных представлениях о роли и эволюции экономического базиса общества, трансформации его социальной структуры, инфраструктуры и надстроечных институтов. По этим позициям она не может выглядеть легковесной и

умозрительной конструкцией (даже в сравнении с известными, например, марксистской и др., концепциями общественного развития).

Вместе с тем, теоретико-методологический потенциал классической версии постиндустриальной доктрины сегодня подвержен серьезному испытанию со стороны так называемого четвертичного сектора общественного развития – информационного, привносящего новые элементы в социально-экономическую, духовно-культурную и идеологическую конфигурацию современной цивилизации.

Использованная литература

1. List, F. Der nationale System der politischen Oekonomie / F. List. – Berlin, 1982; Buecher, K. Die Entstehung der Volkswirtschaft / K. Buecher. – Tuebingen, 1911; Sombart, W. Der moderne Kapitalismus / W. Sombart. – Muenhen und Zeipzig, 1924; Dopsch, A. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte / A. Dopsch. – Wien, 1930.
2. Clark, C. Conditions of Economic Progress / C. Clark. – London, 1940.
3. См.: Иноземцев, В. Л. Постиндустриальный мир Д. Белла / В. Л. Иноземцев // Грядущее постиндустриальное общество Д. Белла. – М., 1999. – С. XII; См. также: Penty, A. Old Worlds for New: A Study of Post-Industrial State / A. Penty. – L., 1917; Penty, A. Post-Industrialism / A. Penty. – L., 1922; Coomaraswamy, A. Essays in Post-Industrialism: A simposium of Prophecy Concerning the Future of Society / A. Coomaraswamy. – London, 1914.
4. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М., 1999.
5. Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1999. – № 5.
6. Иноземцев, В. Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 1997. – № 10.
7. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. – Princeton (N. J.), 1990.
8. Тоффлер, Э. Третья волна: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М., 2002.
9. Drucker, P. F. The new society. The anatomy of industrial order / P. F. Drucker. – New York, 1962.
10. Lyotard, J-F. La condition postmoderne: rapport sur le savoir / J-F. Lyotard. – Paris, 1979.
11. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1976.
12. Gabor, D. The mature society / D. Gabor. – London, 1972.
13. McClelland, D. C. The achieving society / D. C. McClelland. – Princeton (N. J.), 1961.
14. Etzioni, A. The active Society / A. Etzioni. – New York, 1968. См. также: Kenkel, W. F. Society in action / W. F. Kenkel and E. Voland. – Sn. Francisco, 1975.
15. Clifford, P. R. The death of dinosaur: towards a cooperative society / P. R. Clifford. – London, 1978.
16. Presthus, R. The organization society / R. Presthus. – New York, 1978.
17. Martin, J. Telematic society: a challenger for tomorrow / J. Martin, T. Oner. – Englewood Cliffs (N. J.), 1981.
18. Laborit, L. Society informationnelle: idees pour auto-gestion / L. Laborit. – P., 1973; The information society: issues and answers. Phoenix, 1978.